

Административный корпус школы Лаймин, кабинет директора на верхнем этаже.

Пожилой мужчина, находящийся в Америке, так сильно разозлился, глядя в экран, что его лицо побагровело. Он с грохотом ударил по столу:

— Ци Кэ! Посмотри, что творят твои студенты! Разве это подобает? Никаких элементарных правил приличия!

Гэ Лань с самого утра, когда стартовали съемки шоу с его любимым учеником, вместе с двумя друзьями следил за прямой трансляцией. Он стерпел все неприятные комментарии и сообщения в чате, которые могли бы его расстроить. Но вот этот плакат, выведенный на проектор, он стерпеть уже не мог. Чем больше он думал об этом, тем сильнее распалялся, казалось, он готов был выпрыгнуть из экрана, чтобы схватить обидчиков за шиворот!

— Раз уж у них такие высокие оценки, они тем более должны понимать прописные истины: слухи умирают, дойдя до мудреца, а лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! Вместо этого они ведут себя как дикари при первой же встрече! Ци Кэ, скажи мне прямо, собираешься ты ими заниматься или нет!

В видеосвязи директор Ци и глава кафедры старик Син переглянулись, не зная, плакать им или смеяться. Пришлось успокаивать друга:

— Займусь, конечно, займусь. Старый Гэ, остынь, береги давление. В конце концов, в интернете сейчас столько шума, а они всего лишь студенты, чьи характеры еще не до конца сформировались. Это самая легкая для манипуляций группа.

Даже преподаватели порой устраивают внезапные проверки, что уж говорить о таком человеке, как Шао Цинь, который прославился своей «неученостью». Это была их самая уязвимая точка. Но Гэ Лань был непреклонен:

— В любом случае, немедленно убери эту гадость с экрана!

С тех пор как несколько дней назад Шао Циня начали травить во всем интернете, Гэ Лань не находил себе места. Причина травли? То, что Шао Цинь — пустышка? Что у него распутная личная жизнь? Да что за бред! Это же просто курам на смех!

...

Когда глава кафедры получил сообщение от директора в мессенджере, чат трансляции пришел в неистовый восторг. Нервы зрителей были явно взвинчены дерзким плакатом на проекторе. В конце концов, когда с Шао Цинем случались неприятности, пользователи сети максимум могли поворчать в комментариях, но чтобы кто-то, подобно этим студентам, был настолько смел, чтобы пойти на конфликт прямо в лицо объекту насмешек — такое происходило впервые.

Все, кому хотелось зрелищ, начали ликовать в чате:

— Бейте его! Бейте! Добавьте огня в это шоу!

— Кто же счастливчик? О, кажется, это я! Хи-хи-хи.

— Что с того, что дети говорят глупости? Шао Циню точно не стоит опускаться до уровня ребенка.

— Если подумать, кто больше всех злится из-за несправедливого зачисления Шао Циня, так это как раз те, кто готовится к выпускным экзаменам.

— Интересно, чувствует ли себя Шао Цинь неловко перед этими детьми? У меня от одного вида этой сцены начался приступ неловкости за другого человека.

— Да какая неловкость? Мне кажется, он настолько привык полагаться на свои деньги и власть, что ему плевать на плевки в свой адрес. Его это все равно не касается.

По логике вещей, в гуманитарных классах соотношение парней и девушек обычно сильно смещено в сторону последних. Но в Лаймин все было иначе.

Когда группа ассистентов впервые появилась в малом конференц-зале, стало ясно: количество парней и девушек в шести классах на удивление сбалансировано. Даже когда глава кафедры поспешно выключил проектор, студенты продолжали пристально, с вызовом смотреть на Шао Циня. В их глазах читалось отвращение и неприязнь, лишь немногие смотрели с любопытством, лишенным негатива.

Шао Цинь, будучи главным виновником этой перемены, скрестил руки на груди и наблюдал за всем происходящим. Кроме легкого взлета бровей в самом начале, его персиковые глаза оставались невозмутимыми. Он не только не расстроился, но и слегка изогнул губы в загадочной усмешке, словно насмехаясь: «Можете только языками чесать».

Студенты поняли этот жест и нахмурились от злости. Но глава кафедры опередила их, пресекая любые пересуды:

— Школа пригласила старшекурсников из университета А в качестве ассистентов, чтобы наладить обмен опытом и показать наш высокий уровень! И что в итоге? Грубость и неуважение — это не то гостеприимство, которое подобает ученикам Лаймин!

Зрители в чате отметили, что она умеет навешивать ярлыки: перевела личную проблему Шао Циня в плоскость репутации всей школы, лишив студентов возможности возразить.

Так что пятеро ассистентов по очереди начали представляться. Дэн Чживэй пошел первым. Чтобы разрядить обстановку, он взял на себя инициативу и объяснил цель их визита. Говорил он четко, с чувством меры, а его светлая, располагающая улыбка была просто неотразима.

— Всем привет. Мы студенты второго курса университета А, специализирующиеся на литературе. Нас распределили на тему Школа, и мы проведем с вами полмесяца в рамках практического задания. Я Дэн Чживэй, специализируюсь на документальной биографии.

Поскольку мы видимся впервые, недопонимание вполне естественно. Надеюсь, в будущем мы сможем подружиться и развеять все сомнения.

Дэн Чживэй сгладил углы. Хо Вэй был краток, хотя его специализация оказалась неожиданной:

— Здравствуйте, я Хо Вэй, моя специализация — поэзия.

— ? Неужели поэзия?

— Ого, сколько у них специализаций.

— Впервые вижу такого серьезного и неромантического поэта. Ему бы поменяться с Дэном и писать биографии.

Чжан Сия, третья по счету, была еще лаконичнее:

— Пишу сценарии, Чжан Сия.

Идущий следом Чжу Чжэ, видя, что она не собирается ничего добавлять, с улыбкой взял инициативу на себя:

— Старшая сестра Сия — от слова грация! А я Чжу Чжэ, специализируюсь на баснях. Философия — это про меня, ведь главные черты басни — это метафора, воспитание и ирония. Если кому-то интересны басни, буду рад пообщаться!

В этот момент внимание студентов окончательно переключилось на разнообразие их специализаций, и чат снова взорвался:

— Маленькое солнышко такое доброе, сам помог другим представиться. Мое материнское сердце тает!

— Кажется, самый популярный участник — это он.

— Но Дэн Чживэй тоже неплох, у него есть такая... как бы сказать, аура старшего брата.

— Ха-ха, он умеет всех примирить и даже защищает Шао Циня.

— Я понимаю, почему он его защищает — в конце концов, они из одного университета, и внутренние разборки на публике выглядят некрасиво. Но почему такой хороший парень, как Чжу Чжэ, общается с Шао? Не понимаю...

— Наверное, он просто слишком мягкосердечный, жалко смотреть, как Шао Циня травят в сети.

Когда все четверо представились, наступила очередь Шао Циня. Но не успел он открыть рот, как кто-то из студентов осмелился бросить вызов:

— Лаймин не приветствует тех, кто попал сюда по блату!

Чат взорвался комментариями:

— Парень, ты такой смелый, как бы тебя сейчас не выставили из зала.

— Да-да, мы поняли твою позицию, но береги себя, не иди напролом.

В сети все поддерживали студентов, но глава кафедры хмурилась все сильнее. К счастью, Шао Цинь не разозлился. Взяв микрофон, он с иронией спросил ее:

— Ну что, им замолчать, или мне уйти?

Глава кафедры, конечно, не могла позволить ему уйти. Она лишь досадовала, что недооценила влияние интернета на подростков, и решила взять удар на себя:

— Это не их вина. Это я, как глава кафедры, допустила ошибку, не изучив заранее настроения учеников. Прошу прощения.

Услышав извинения, Шао Цинь снова поднял бровь. Он понимал, что она берет ответственность на себя из вежливости, чтобы сгладить ситуацию, но она забыла о детской психологии. Если бы она ругала их, было бы еще полбеды, но когда она начала винить себя...

Студенты, конечно, разволновались:

— Глава кафедры, зачем вы извиняетесь перед ним!

Ее покорность перед Шао Цинем подлила масла в огонь. Протест мгновенно превратился в стену звука:

— Почему вы извиняетесь!

— Глава кафедры не виновата, Шао Цинь, убирайся!

— Убирайся обратно в Америку!

— Пустышкам не место в Лаймин!

— Здесь не рады тем, кто идет по головам!

Сначала это были один-два голоса, потом — пять, десять... В мгновение ока почти восемьдесят процентов студентов начали хлопать по партам в едином ритме:

— Шао Цинь, вон!

— Шао Цинь, вон!

Если Чжу Чжэ раньше мог сохранять спокойствие перед лицом критики, то сейчас, глядя на этих разъяренных студентов, он не мог закрыть глаза на происходящее. Он совершенно не знал, как защитить Шао Циня.

Зрители в чате ликовали, глядя на мучения Шао Циня. Эту стихийную, юношескую ярость было не остановить. Казалось, она готова была снести крышу, обрушиваясь на одинокую фигуру на сцене. Ситуация была на грани хаоса.

Юноша, который все это время ждал у запасного выхода, уже готов был ворваться в зал. Но в тот момент, когда его рука легла на ручку двери, Шао Цинь заговорил. Он обвел взглядом зал, и его спокойный тон подействовал как транквилизатор:

— Неужели я выгляжу как человек с добрым нравом?

Этот вопрос, заданный без тени страха или обиды, сработал лучше любых дисциплинарных мер.

— Или вы решили, что раз я не стал устраивать сцену из-за проектора, то теперь можно хамить мне прямо в лицо?

Шао Цинь обводил взглядом каждого, словно стараясь запомнить лица всех присутствующих, и с улыбкой добавил:

— Я даже не знаю, то ли вы такие храбрые, потому что еще дети, то ли просто не боитесь смерти.

Переводя на понятный язык: он, Шао Цинь, по какой бы причине здесь ни оказался, не собирался терпеть, когда ему тыкают в лицо. Если бы эти слова произнес кто-то другой, студенты бы лишь усмехнулись. Но человек на сцене был настолько уверен в себе, что даже в одиночку против толпы выглядел как бамбук, стоящий под ветром. Его аура была настолько мощной, что невольно возникали сомнения: может, это они ошиблись?

В зале воцарилась тишина. Пять, десять секунд — никто не смел нарушить молчание. Раньше они могли шуметь, потому что ответственность была размыта, но теперь, когда Шао Цинь перевел все в личную плоскость, никто не хотел становиться первым, кто рискнет навлечь на себя его гнев.

Чжэн Сяо смотрел на него через стекло двери, словно замороженный.

Как будто по сценарию, первым слово взял Дэн Чживэй. Он начал объяснять, что цель этого шоу — вовсе не развлечение, а желание развеять стереотипы о частных школах, которые у многих ассоциируются только с деньгами.

— Раз мы сами не любим, когда нас понимают превратно, давайте дадим друг другу время, чтобы лучше узнать друг друга, прежде чем делать выводы.

Его слова были убедительны, они дали студентам возможность отступить, сохранив лицо. Чжу Чжэ, услышав это, подумал, что Дэн просто мастерски играет на камеру, но все же поддержал его:

— На самом деле, Шао тоже так думает, просто он ленив и не любит читать нотации, потому что сам их не терпит.

Оба ассистента успешно успокоили толпу. Но Чжу Чжэ, желая добавить веса своим словам, обернулся к Шао Циню:

— Ведь так, брат Шао?

Чжу Чжэ тут же захотел провалиться сквозь землю. Какое еще «так»? Он же все это выдумал на ходу!

Шао Цинь, не подав вида, лишь слегка кивнул с той же невозмутимой улыбкой:

— Понимаю. Старшеклассники — народ горячий. Если что-то не получается, они тут как тут, бегут впереди всех.

— ?? Черт.

Это можно было стерпеть? Это было прямое оскорбление: мол, у вас ума мало, вы импульсивны и легко поддаетесь на провокации. Чжу Чжэ видел, как давление в зале снова растет.

Шао Цинь добавил:

— Абитуриенты, меньше сидите в телефонах, это вредно для телефона.

Все выпускники Лаймин: «.....»

...

В общежитии университета А трое соседей Чжэн Юя хохотали во весь голос, услышав, как Шао Цинь отчитывает студентов. Чжэн Юй, у которого уже заложило уши, отрезал:

— Какой смысл выигрывать спор, если при распределении комнат его все равно никто не выберет?

В Лаймин были только двухместные номера. Чтобы сблизить ассистентов и учеников, по сценарию шоу ассистенты должны были рассказать о своих привычках, а студенты — выбрать себе пару.

Как и предсказывал Чжэн Юй, никто не поднял руку, желая жить с Шао Цинем. Чат взорвался ехидными комментариями о том, что Шао Цинь проиграл. Но правда была в том, что Шао Цинь всем своим видом показывал: «Только попробуйте меня выбрать».

— По идее, должна была остаться одна двухместная комната для одного человека, верно? Нас пятеро, и если считать по 40 человек в двух сильных классах или по 140 во всем потоке, четного числа не получается.

Чат замер в недоумении:

— Откуда он знает количество учеников в Лаймин? И откуда он узнал, что два класса — сильные?

Чжэн Юй, наблюдая за трансляцией, не удивился:

— Шао Цинь — тот еще зануда. Кроме меня, он ни с кем жить не будет, наверняка все заранее просчитал.

Однако следующая сцена заставила его замолчать. Глава кафедры внезапно произнесла:

— Но в этом году у нас 141 выпускник.

Теперь пришла очередь студентов Лаймин: «??»

Они всегда были потоком в 140 человек, откуда взялся еще один?

Вскоре дверь в задней части зала открылась. Камера сфокусировалась на человеке, который вошел, залитый солнечным светом. Это был тот, кого Чжэн Юй меньше всего ожидал увидеть. Он сказал своим глухим, низким голосом:

— Я хочу жить с Шао Цинем.

Все замерли. Чжэн Сяо не обращал внимания на взгляды. Он смотрел только на того, кто стоял в центре сцены, и повторил:

— Директор, я хочу жить с Шао Цинем.

Он говорил с директором, но почему-то очень хотел, чтобы его услышал именно Шао Цинь. Ведь он сказал не «я могу», а «я хочу».

<http://bllate.org/book/22263/2330586>